

Андрей
Жвалевский

brain- fiction

Мастер
СИДЫ

brain- fiction

МАСТЕР

СИДЫ

СИДЫ

Андрей Валентинович Жвалевский
Мастер силы
Серия «Самое время!»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151230

Мастер силы: Время; Москва; 2005

ISBN 978-5-9691-0861-5

Аннотация

Когда к тебе приходит странный тип и заявляет о том, что ты всемогущий мастер силы и тебе предстоит спасти Вселенную, что ты сделаешь? А если вдруг окажется, что странный тип прав? Тогда приходится идти и спасать – от такого же всемогущего, только мастера сглаза. А заодно и от себя самого. Вот тут-то и понимаешь, что быть всемогущим просто только в сказках и фильмах про Супермена. “Мастер силы” – альтернативная история событий, рассказанных в «Мастере сглаза».

Содержание

Часть 1. БОЙ С ТЕНЬЮ	4
1	4
2	8
3	11
4	15
5	19
6	22
7	25
8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Жвалевский

Мастер силы

(Самое время!-2)

Автор благодарит Наталью Кулагину, которая вдохновила на написание этой книги и помогла исправить ошибки;

Игоря Мытько, который был против написания этой книги, но тоже помог исправить ошибки.

*Могущество, когда, когда
Соединишь ты с властью разум?
Гёте “Фауст”*

Часть 1. БОЙ С ТЕНЬЮ

*“Была в начале Сила”.
Вот в чём суть.
Гёте “Фауст”*

1

Емельян Павлович Леденцов вполуха слушал посетителя, поддакивал ему и размышлял о том, что произойдёт в буду-

щем. Будущее Леденцов представлял совершенно точно.

Через четыре минуты говорливый прожектор будет выдворен из кабинета (с максимальной вежливостью).

Через пять Емельян Павлович вызовет к себе секретаршу Оленьку и три минуты будет делать ей выволочку за утерянную бдительность.

На четвёртой минуте он произнесёт: “Оля, как же так? Вы же так хорошо умели отправлять подальше неправильных посетителей!”, после чего бедная девочка разрыдается и признается в тайной беременности. Когда секретарша перестает ловить мышей, это верный признак – к гинекологу не ходи.

Через неделю...

Вдруг до Леденцова дошло, что он кивает и поддакивает откровенному бреду.

– Обнажённые девицы совокупляются со звероящерами, и всё это показывает башкирское телевидение.

– Погодите! – Емельян Павлович похлопал глазами, чтобы очнуться. – При чём тут башкирское телевидение? Где мы, а где они? И девицы со звероящерами... что делают?!

– Совокупляются. Да не волнуйтесь вы. И секретаршу вызывать не нужно, а тем более не стоит её выгонять. Она хорошо держалась. Полтора часа рассказывала мне сказки про ваше отсутствие.

– Но звероящеры...

– Это я так, чтобы вы начали меня слушать.

– Я вас слушал, это очень интересное предложение...

– Стоп-стоп-стоп! – посетитель помахал перед носом Леденцова рукой. – У вас глаза стекленеть начинают. Какое предложение? О чём вы говорите?

– Ваше предложение. Изложенное на бумаге.

Посетитель молча кивнул на листы, лежащие перед носом Леденцова. Они оказались девственно чистыми, только немного помятыми. Емельян Павлович повертел их в руках, заглянул на оборот некоторых страниц и протянул руку к селектору.

– К чему так напрягаться? – спросил посетитель. – Вы же можете выставить меня отсюда одной только силой желания.

Рука замерла на подлёте к селектору.

– Попробуйте вспомнить своё прошлое, – посетитель подался вперёд. – Думаю, вы обнаружите в нём несколько таких случаев.

– Каких случаев? – спросил Емельян Павлович и сразу понял, на что намекает этот странный тип.

– Когда что-либо делалось исключительно по вашему хотению.

– По шучьему велению, – машинально добавил Леденцов.

– Что?

– Ничего.

Емельян Павлович не стал уточнять, что повторил любимую бабушкину присказку. Она часто поддразнивала внучка. Ведь, действительно, были у него в жизни моменты. Пирс

на водохранилище, который обрушился через четверть секунды после фразы пятнадцатилетнего Емели: “Сейчас мост упадёт”. И потом, после армии, случай с Андрюхой Мартовым, поэтом и наркоманом. Он так достал Леденцова своими проблемами, что однажды тот подумал в отчаянии: “Чтоб ты сдох!”. Андрюха умер в тот же вечер. От передозировки...

– Я всё равно не понимаю, что вам нужно, – сказал Леденцов. – Э-э-э... простите, не расслышал вашего имени-отчества.

– О! У меня очень сложное имя-отчество, немудрёно запомнить. Иван Иванович.

– И?

– И мне нужно от вас всего ничего, – посетитель откинулся в кресле. – Спасти Вселенную от разрушения одним мерзавцем.

“Ещё и сумасшедший, – подумал Емельян Павлович. – Ольгу выгоню без декретных. Пусть потом на меня в суд подаёт”.

2

Катенька шла по городу, злилась на себя и гадала по автомобильным номерам.

Ходить по городу она просто любила.

Злиться на себя Катенька научилась давно, ещё в детстве. Как только она чуть-чуть добрела к себе, окружающий мир отвешивал ей отрезвляющую затрещину и возвращал в состояние холодной ненависти к собственной персоне.

Гадать по автомобильным номерам её обучил один из давних “парней” – слова “бойфренд” ещё не знали тогда в её родном городе. “Парень” был сущим мальчишкой, первокурсником матфака. Он носил чёрные прямоугольные очки и верил в магию цифр.

– В числах, – говорил он, – заключена гармония мира. Все числа взаимосвязаны друг с другом. Вот, например, автомобильные номера. Они четырёхзначные. Первые две цифры всегда отображаются во вторые две.

– Ой, какие мы умные! – смеялась Катенька. – Тебе самому не скучно себя слушать?

– Нет. Вон поехали “Жигули”. Номер 12-18. Единица в степени два даёт единицу. И единица в степени восемь даёт единицу. Гармония!

– А вон мотоцикл, – Катеньке хотелось выиграть в эту новую игру, хотя в правилах она пока не очень разбиралась, –

с номером 27-94. Никакой связи!

– Ошибаешься. Два минус семь дают минус пять. Девять минус четыре тоже пять, хотя и с плюсом.

Они играли в числа на интерес целыми днями. Катеньке очень редко удавалось загнать студента в ловушку – он ловко использовал арифметические действия, корни со степенями и даже логарифмы. Скоро она научилась манипулировать цифрами автомобильных номеров, но придала этому занятию совсем другой смысл. Катенька по номерам гадала. Она загадывала желание и смотрела на проезжающую машину. Если номер сходился, то и желание должно исполниться. Как назло, в ту весну ей попадались совершенно негармоничные сочетания цифр: 62-00, 07-28 или 33-35. Наверное, из-за этого её главное желание в прямоугольных очках завалило сессию и ушло в армию. Кажется, даже во флот.

С тех пор Катенька забросила магию чисел, но сегодня впервые за долгие годы вернулась к ненадёжной ворожке по номерам проезжающих машин. Она очень хотела, чтобы её нынешний мужчина со вкусной фамилией Леденцов не бросил её. Катенька имела огромный отрицательный опыт и научилась предчувствовать разрыв так же точно, как аквариумные рыбки в Японии чувствуют надвигающееся землетрясение.

Леденцова она терять не хотела ни за какие коврижки. Впервые ей попался серьёзный, основательный мужчина. Он относился к ней нежно и уважительно, снял квартиру, дарил

дорогие вещи. Да что вещи? Леденцов обладал редчайшим мужским талантом – он принимал за Катеньку решения. Часто поперёк её воли и настроения. Катенька бесилась, устраивала истерики, но когда решения реализовывались (то есть всегда), понимала, что именно этого она втайне и хотела.

Палыч не был мужчиной её мечты, он был мужчиной её судьбы. Он являлся единственным человеком во Вселенной, рядом с которым Катенька могла совершать всякие глупости и безрассудства. Она могла даже не злиться на себя, потому что мир в присутствии Леденцова не щёлкал её по носу, не подставлял подножек, не давал тумаков. Катеньке очень нужен был именно этот мужчина. Не такой – Леденец был единственным таким, – а этот.

“Если следующий номер на той «Волге», – думала Катенька, – сойдётся, то всё у нас будет хорошо”.

Номер оказался 38-02. Катенька остановилась и обхватила руками плечи. Она скребла коготками по ветровке и пыталась, пыталась, пыталась как-нибудь выстроить проклятые цифры.

3

Емельян Павлович не стал спорить с посетителем. Он никогда и ни с кем не спорил.

“Ай, как нехорошо, – подумал Леденцов, – придётся силу применять к больному”.

– Вы считаете меня сумасшедшим, – сказал Иван Иванович. – Это нормальная реакция разумного человека на слова “спасти Вселенную”. Вам нужны доказательства, причём от лица, которому вы доверяете.

– Вы совершенно правы. Будьте любезны, подготовьте их в письменной форме и передайте моему секретарю. А сейчас...

– А сейчас вы это доказательство и получите. В устной, но весьма убедительной форме.

“Придётся выгонять, – огорчился Емельян Павлович, – ну, Ольга!”

Сию же секунду дверь кабинета распахнулась, и в проёме возникла крашеная головка верной секретарши.

– Вызывали, Емельян Павлович?

– Вот! – воскликнул ненормальный посетитель и хлопнул в ладоши. – Вот вам и доказательство!

Если Ольга и была беременна, то на самом раннем сроке. Среагировала она быстро и адекватно.

– Емельян Павлович, у вас через пятнадцать минут встре-

ча с главой районной администрации.

– Спасибо, – Леденцов поднялся над столом и протянул Ивану Ивановичу руку, – меня очень заинтересовало ваше... сообщение. Значит, договорились: вы готовите обоснование...

Иван Иванович руку принял с радостью и стал её трясти, как кастаньету.

– Какое ещё обоснование вам нужно? Только что вы подумали о своём секретаре – и она немедленно появилась!

Ольга продемонстрировала умение сжимать губы в тонкую, как волос, полоску и двинулась на зарвавшегося посетителя.

– Все-все! – тот явно не собирался упорствовать. – Через минуту меня здесь не будет! Только один вопрос, Емельян Павлович: часто ли сия очаровательная хранительница приёмной (поклон в сторону Ольги) врывается в ваш кабинет без приглашения?

Когда дверь за назойливым Иваном Ивановичем закрылась, Леденцов подошёл к окну и распахнул его пошире. Была ещё не совсем весна, но он любил холод и свежесть, поэтому раму закрывал только в приёмные часы, а работать предпочитал в прохладе. Никакого главы администрации, конечно, не предполагалось, так что Емельян Павлович имел возможность выстудить помещение так, как ему нравилось.

“Надо Олю поблагодарить, – подумал Леденцов, – здорово она меня выручила. Если **бы** не вошла, пришлось **бы** самому

этого типа вышвыривать”.

На зов селектора секретарша явилась багровая от ярости.

– Что такое? – спросил Емельян Павлович. – Кто-то попытался приставать в служебное время?

– Да этот ваш... **Он** вообще хам! Знаете, что он заявил напоследок? “Милая девушка! Воздержитесь от секса в ближайшее время, а то ваш шеф обеспечит вам беременность!”

Отношения Емельяна Павловича и Ольги никогда не переходили рамки служебных, чем секретарша всегда гордилась, а Леденцов никогда не тяготился.

– Не переживайте вы так, – сказал он, – это обычный сумасшедший. Вселенную предлагал спасти. Полный отморозок.

– Я тоже хороша, – Оля потихоньку меняла окраску на нежно-розовую, – надо было его сразу подальше отправить. Но он таким убедительным показался. Извините.

– Ничего. И на молодуху бывает проруха.

Секретарша заулыбалась практически безмятежно. Она ценила незамысловатые каламбуры начальника.

– Зато потом, – сказал Емельян Павлович, – вы очень вовремя появились.

– Так вы же позвали.

– Я?

– Конечно! Я ещё удивилась, почему не по селектору, а...

Тут Ольга запнулась и подняла глаза к потолку, пытаясь обнаружить там нужную информацию.

– Вслух? – пришёл на помощь Леденцов.

– Да... кажется.

“Похоже, – подумал Емельян Павлович, – парень из экстрасенсов. Или гипнотизёров”.

– Селектор забарахлил, – пояснил он. – Пришлось повысить голос. Кстати, вызовите ремонтников.

Секретарша облегчённо чиркнула в блокноте.

– Значит, – спросила она скорее утвердительно, – бумаги этого психа можно выкинуть?

– Какие ещё бумаги?

– Он визитку оставил. И пачку чистой бумаги. Там только на первом листе немного написано. Я на черновики возьму, хорошо?

Леденцов – и сам точно не знал почему – попросил:

– А принесите-ка этот лист мне, хорошо?

На странице формата А4 было выведено каллиграфическим почерком:

“Пожелания – Выполнение”

И ниже:

“Мысленное обращение к секретарю – Появление секретаря в кабинете”.

И ещё ниже:

“Не хотите ли продолжить список, уважаемый Мастер?”

Сначала Емельян Павлович хотел просто выбросить листок, но персональный черт толкнул его под правую руку, и она сама написала: “Сказал про пирс – Пирс обвалился”. А потом ещё “Нужны были деньги на такси – Нашёл трёшку (зелёную!) в траве”.

Это напоминало логическую игру на ассоциативное мышление. Леденцов незаметно для себя втянулся и несколько часов потратил на то, чтобы восстановить все странные случаи “сбычи мечт” в его жизни. Делал он это, разумеется, не на бумаге, а на компьютере, в электронной таблице. Так было удобнее сортировать события по дате.

Некоторые желания отличались масштабностью и затрагивали интересы многих людей. Например, армейская служба Емели проходила в родном городе, хотя команда из четырёх сотен бритых пацанов должна была отправиться в Электросталь. Леденцову не захотелось уезжать – и остались все четыре сотни. С некоторым удовлетворением и даже гордостью вписывал Емельян Павлович дела амурные. Женщин было в его жизни довольно много, но ни одна из них не доставила ему хлопот: не забеременела, не женила на себе, не заразила какой-нибудь дрянью.

Леденцов откинулся в кресле, вспомнил несколько приятных эпизодов и по-кошачьи потянулся. Облизнулся и пе-

решил к воспоминаниям о бизнесе.

Бизнес тоже развивался в соответствии с его, Леденцова, пожеланиями. Красный диплом местного филфака открывал перед Емельяном (ещё не Павловичем, но уже не Емелей) двери всех средних школ – с перспективой скорого директорства. Однако он решил по-своему: стал первым в области психоаналитиком. Книг по этой невнятной сфере деятельности Леденцов прочитал немало, просмотрел несколько фильмов и уяснил, что работа вполне ему по плечу. Требовалось только сидеть в мягком кресле и участливо кивать пациенту, который лежит на кушетке и рассказывает, что он интересного видел в детстве, когда мама принимала душ. Карьера местечкового Фрейда была краткой, но максимально успешной. У Леденцова был всего один клиент, Боря Петров, который позвонил и потребовал явиться к нему в офис. Они пять минут поговорили о семейных проблемах клиента, три – о проблемах с подчинёнными, восемь – об идиотизме партнёров по бизнесу.

– Сейчас придёт один, – скривился Боря, – я ему “Макинтоши” хочу втюхнуть, а он упирается. Я ему говорю: “Сейчас только бараны на «ПиСи» работают, у которых мозгов нет”, а он... Задолбался я уже его “лечить”, не могу больше!

Словом, Емельян вызвался провести переговоры самостоятельно и через час принёс Петрову (который нервно пил коньяк в соседнем кабинете) подписанный контракт.

– Так здесь же ни одного “Мака”! – обиделся Боря, изучив

договор. – Одни “писюки”!

– По ценам “Макинтошей”, – и Леденцов показал приложение к контракту.

В свой офис психоаналитика он вернулся только затем, чтобы забрать вещи и расторгнуть договор аренды. Переговоры он вёл очень успешно: Емельян Павлович насчитал три десятка договоров, в которых норма прибыли зашкаливала за 1000%. Одной из самых удачных была сделка с бывшим клиентом и нанимателем Борей. Благодаря ей Леденцов стал единоличным владельцем и директором фирмы “Мулитан”.

Всего один раз “Мулитан” оказался в сложной ситуации – в начале 1998 года два городских банка решили монополизировать торговлю компьютерами и оргтехникой. Подкармливая дочернее шарашкино ООО кредитами, банкиры едва не выдавили Леденцова с рынка. Честно сказать, уже и выдавили. Емельян Павлович распродал остатки, перевёл все средства в наличные доллары и объявил подчинённым, что с сентября фирма прекращает существование.

Подчинённые получили неплохое выходное пособие и разъехались в последний отпуск – в основном на дачи. Леденцов отдыхал тоже скромно, в Болгарии. Там же он и встретил 18 августа. По возвращении он обнаружил, что банки раздавлены дефолтом, конкуренты не знают, куда и как продать товарные запасы, а “Мулитан” – единственная контора, не потерявшая ничего при кризисе.

Покончив с недавним прошлым, Леденцов попытался вы-

удить что-нибудь из детства. Попадались всякие мелочи: выигрыш в “Спортлото”; новые джинсы; спортивно-олимпийские достижения.

Емельян Павлович окинул взглядом список и довольно хмыкнул. Похоже, жизнь проходила под его диктовку. Правда, он никогда ничего особенного не требовал от неё. Боялся. После случая с пирсом и... с Андрюхой Мартовым. В день похорон Мартова ему впервые стало по-настоящему страшно.

Покончив с историей, Емельян Павлович приступил к инспекции настоящего. Леденцов даже решил поставить эксперимент.

Он уединился в кабинете, сосредоточился и принялся мысленно заклинать: “Ольга! Войди! Войди, Ольга!” Ничего не получилось. Секретарша, как и предположил Иван Иванович, была вышколена, как хороший джинн, и появлялась у начальника только после прямого приказания. “Наверное, плохо сосредоточился, – решил Леденцов, – пейзаж отвлекает. И воробьи разгалделись. Солнышко жарит. Вот бы сейчас пива!”

Ради такого дела он прошёлся по офису. Обычно Емельян Павлович не надоедал подчинённым своим присутствием, а делами заправлял с помощью двух заклинаний: “Всё будет хорошо” и “Деньги не проблема”. Когда кто-нибудь из персонала прибегал к нему с неотложным делом, Леденцов кивал и использовал первое заклинание. Если человек не успокаивался и начинал рассказывать об убытках – применял второе.

Для начала Емельян Павлович двинулся в бухгалтерию. Там стоял холодильник, который его сотрудники использовали для хранения всякой обеденной снеди. Пива там, конечно же, быть не могло, но вполне сгодилась бы и холод-

ленькая минералка.

Пиво – местное “Жигулёвское”, в запотевших бутылках – красовалось на верхней полке. Емельян Павлович огляделся в поисках хозяина. Представительницы слабого бухгалтерского пола отпадали. Пиво могло принадлежать только системному администратору Володьке, притаившемуся в углу за огромным монитором. Тем не менее, Леденцов обратился ко всем:

– Дамы и господин! Чьё пиво?

Бухгалтерши не отреагировали. Володька сделал честные глаза.

– Ругать не буду, – пообещал Леденцов, – только отхлебну. Потом верну, хорошо?

Сисадмин засопел и... вытащил (как показалось директору, из компьютера) банку “Будвайзера”.

– Тут почти ничего не осталось, – сказал он и потряс банкой.

– А можно, я холодненькое возьму? Тут две бутылки.

Володька мигом оказался рядом с холодильником. Раньше Емельян Павлович не замечал такой прыти в его долговязой фигуре. Разве что во время ежедневного сеанса игры в “Контрстрайк”.

– Это не моё, – протянул сисадмин, – я такое не пью. Кстати, нужно видеокарту поменять, а то “Эксель” глючит.

Леденцов не поленился, лично обошёл все подразделения. Пиво обнаружилось у двух менеджеров, но не “Жигу-

лёвское”, а исключительно импортное. Менеджеры хором утверждали, что купили его для употребления в домашних условиях.

– Урежу я вам процент, – сказал Емельян Павлович, – слишком много заколачиваете: иностранного производителя поддерживаете, а местным “Жигулёвским” брезгуете!

В конце концов, он пришёл к тому, с чего нужно было начинать, – обратился к Ольге. Секретарша, хоть и сидела в приёмной, знала о перемещениях всех сотрудников и даже о состоянии их физического и духовного здоровья.

– Пиво? Бутылочное? Сегодня никто не приносит.

– А вчера, значит, приносили?

Оля преданно заморгала.

– Распустил я вас, – сказал Леденцов. – Я вас распустил, я вас и запущу.

Секретарша слышала эту шутку раз десять, поэтому не хихикнула, а только улыбнулась.

– И вот ещё что, – директор повертел в руках бутылку, доставленную на опознание, – у вас сохранилась визитка Ивана Ивановича? Ну, того сумасшедшего, который предостерегал вас от беременности?

– А зачем вам?

– За пиво хочу поблагодарить.

“Зря я себе всяких глупостей нафантазировала, – Катенька злилась на себя без нужной экспрессии, – мужчина моей мечты... рыцарь на белом коне... богатый джентльмен...”

Злиться было уже поздно. По всем мелким приметам выходило, что доживает она в неге и довольстве последние денёчки. Да и чёрт с ним, с довольством! Она готова была жить безо всякого довольства, зато с Палычем!

За окном шёл дождь. Он не падал, а существовал. Заполнял собой все пространство. Дождём стали воздух вообще и небо в частности. Ещё утром жарило, как в фирменном вагоне, даже парило, но к вечеру вместо очищающего весеннего ливня повисла гиблая осенняя изморось. А может, и утром было мерзко и мокро, просто она не помнит? Катенька на всякий случай скосила глаз на настенный календарь – вдруг ей только показалось, что настала весна? Вдруг в этом году сразу после зимы запланирована осень? Календарь врал, что заканчивается март. Но у Катеньки лета уже не будет. Какое лето без солнца? А солнцем, Солнышком раньше была она. Палыч так называл её в минуты мягкой любовной усталости, когда она лежала возле него, взмокшего и глуповатого. И гладила его по редкой шерсти на груди. И целовала в ключицу. А он произносил тихо, с оттяжкой: “Со-о-о-олнышко...”

Катенька замотала головой и высморкалась. Пора было с

этим кошмаром завязывать. Она ещё на восьмое марта все поняла, когда он притащил в подарок безвкусную золотую цепочку. Если мужчина за год близости не понял, что его избранница предпочитает серебро, – это знак! Тогда она все поняла, но решила не поверить. Закрыла глаза и придумала, что ей нравятся толстые золотые цепочки.

Но дальше пошло хуже...

Катенька поняла, что сейчас она снова пойдёт обновлять соль на ранах. Нужно чем-то себя отвлечь, например, убрать в комнате. Весь пол завален обрывками дорогого глянцевого журнала. Толстые страницы рвались неохотно, только по одной за раз – и это было удачно. Катенька смогла израсходовать всю накопленную ярость на один-единственный номер “Космо”.

Когда обрывки на полу заняли положенное им место в мешке для мусора, Катенька подняла глаза на стену. Ещё одну бумажку следовало бы сорвать и отправить в утиль, но она медлила. На бумажке были написаны четыре цифры: 38-02. Номер той чёртовой машины, который должен был определить судьбу Леденцова и Катеньки. Ей всё казалось, что есть способ свести эти цифры к общему знаменателю (или как оно там называется?). Ответ плавал где-то рядом, следовало выполнить всего одно действие – и круглое, помпезное 38 превратилось бы в маленькое тревожное 02.

Катенька не стала срывать листок. Она снова подошла к окну, прижалась к стеклу лбом, да так и стояла, уставившись

в одну точку. Постепенно эта точка проступила сквозь серую мокроту. Она оказалась куполом строящейся церкви, вроде бы православной. Катенька не слишком в этом всем разбиралась, но сейчас вдруг обратилась к дырявому куполу с речью:

– Слушай, Бог, я никогда тебе ничего не говорила... Сделай для меня одну вещь. Нет, не возвращай мне Палыча. Всё равно уйдёт. Только сделай так, чтобы он сегодня вечером оказался у меня. Я его обниму крепко-крепко и не отпущу никуда. Он возьмёт себе отпуск на неделю, и всю неделю мы будем только вдвоём. Только неделю, ладно?

Довольно долго ничего не было слышно. Потом на дереве под окном мерзко, с бульканием каркнула ворона.

В квартире никого не было, но Катеньке стало стыдно и противно. Она отвернулась от окна и пошла мыть пол. “Не нужно было отгул брать, – подумала Катенька, – на работе как-то отвлекаешься”.

Иван Иванович с живым интересом наблюдал, как солидный директор солидного предприятия господин Леденцов хвастает паранормальными способностями. Особенно Емельян Павлович упирал на пиво – видно, оно здорово впечатлило директора.

– Замечательно, – сказал Иван Иванович, – я так и думал.

– О чём? – насторожился Леденцов.

– Что процесс вас увлечёт. По психотипу вы иррационал: процесс важнее результата.

Емельян Павлович искоса посмотрел на человека, которого недавно считал сумасшедшим. И сомнения пока не развеялись.

– Не обижайтесь, – сказал Иван Иванович. – Это не недостаток. Наоборот, это даже хорошо, что вы не рационал. Не позволите ли списочек – полюбопытствовать?

Леденцов, все ещё недовольный тем, что его обозвали нерациональным (дураком, что ли?), протянул распечатку посетителю. Тот принялся читать и, как показалось, особенно тщательно штудировал страницы, посвящённые детским годам директора. “Про женщин я зря писал”, – запоздало устыдился Леденцов и погрузился в кресло. Чтобы скоротать время, он попытался определить возраст Ивана Ивановича. Юношей или молодым человеком тот определённо не был.

По стилю поведения, по старомодным выражениям он тянул на старика. Была в Иване Ивановиче выправка, но не военного человека, а сугубо штатского – как будто коллежского асессора перенесли на сто пятьдесят лет вперёд, переодели, переучили и заставили говорить по-новому. Вместе с тем не было в нём физических следов старческого разрушения: дряблости кожи, желтоватой седины, замедленности движений или хотя бы очков.

– Много интересного, – сказал Иван Иванович тоном человека, который надеялся найти гораздо больше, чем ему подсунули, – особенно из вашего младенчества и отрочества. Три рубля в траве разглядеть, да ещё в пять утра... Это подвиг.

Леденцов почувствовал себя глупо. “Чем я занимаюсь? – рассердился он на себя. – Зачем придурка этого к себе пригласил?”

– Разумеется, – сказал он, – это все глупые совпадения. Пока я составлял список, это меня несколько развлекло. Я позвал вас только потому, что вы, кажется, готовы объединить эти совпадения в систему...

– После чего мы сможем перейти к главному? Извольте. Тут Емельян Павлович и вовсе расстроился, предчувствуя, что разговор готов скатиться в сомнительную колею спасения мира. Однако Иван Иванович не дал ему раскрыть рта. Он извлёк из пухлого коричневого портфеля папку с завязочками и протянул её хозяину кабинета со словами:

– Но сначала позвольте дополнить ваш список.

“Так он шантажист! Как все просто!” – Емельян Павлович даже обрадовался. Теперь многое стало на свои места.

Леденцов не собирался обсуждать никаких условий, но папка его заинтриговала. В конце концов, интересно же, чем тебя собираются припирять к стенке и доводить до ручки.

– “Там внутри есть все, – процитировал Леденцов «Золотого телёнка», развязывая тесёмки, – пальмы, девушки, голубые экспрессы...”

– Эта папка не пуста, – Иван Иванович полуулыбкой дал понять, что оценил хорошую память и начитанность собеседника.

Действительно, внутри обычной картонной папки обнаружилось несколько прозрачных файлов, каждый из которых был плотно набит вырезками, какими-то документами и фотографиями. Леденцов вытащил один из них наугад. Подборка касалась его сделки с “Главсбытснабом”. Начиналась она с аналитической записки “О состоянии и прогнозом поведении...”, словом, о рынке копировальной техники в 1996 году. Прогнозы были неутешительные. Емельян Павлович улыбнулся:

– Помню-помню! Никто не верил. Все кричали “Насыщение! Свободных средств нет!” Я тогда здорово поднялся.

Леденцов полистал отчёты и газетные заметки. В 1996-м о нём впервые написали “Губернские новости”.

– Ну и что? – пожал он плечами. – Аналитики ошиблись,

а я угадал.

– Этот аналитик, – мягко сказал Иван Иванович, – редко ошибается.

Леденцов глянул на подпись на аналитической записке. Там значилось: “Портнов И. И.”

– Моя работа, – согласился И. И., – я сразу понял, что дело нечисто, и собрал кое-какую статистику. Полюбуйтесь.

На протянутой Емельяну Павловичу диаграмме “Поставки копировальной техники по регионам РФ в 1996 г.” одна из областей – родная леденцовская – торчала, как средний палец на руке разозлившегося среднего американца.

– Как видите, даже Москва поглотила в ту осень ксероксов едва ли не меньше, чем местные офисы. С чего бы? Продолжим...

– ...Сдаюсь! – через сорок минут Емельян Павлович поднял руки вверх и для убедительности заложил их за голову. – У нас действительно аномальная область, и я действительно умею эти аномалии улавливать...

– Не улавливать, – Иван Иванович выглядел усталым, – а создавать. До чего ж вы упрямый. То доказываете мне, что пиво в холодильнике наколдовать можете, а то очевидное отрицаете.

– Опять сдаюсь! Признаю себя всемогущим и благим, создателем Вселенной вообще и рынка оргтехники в частности.

Портнов остался непроницаемым.

– Вселенную, да и рынок оргтехники, – это ещё до вас. А вот насчёт всемогущества вы почти угадали. Вернее сказать, вы почти всемогущи.

Завершить лекцию Иван Иванович не успел. Дверь кабинета вдруг распахнулась с неприличным треском, и в комнату ввалились грубые люди в чёрных масках и камуфляже. За ними, отстав на полсекунды, влетели их же грубые вопли:

– Мордой на стол! Руки, сука! Не двигаться!

Поговорить удалось только в камере для временно задержанных.

По пути Леденцов пытался что-нибудь выяснить, получил краткий, но выразительный ответ в виде тычка прикладом и благоразумно заткнулся.

Зато уж в камере Емельян Павлович дал волю чувствам и словам. Обращал он их к потолку и лишь на излёте вдохновения повернулся к собрату по несчастью:

– Всемогущий, говорите, Иван Иванович? А отсюда, стало быть, начинается мой путь на Голгофу?

Иван Иванович поморщился, как будто упоминание о Голгофе задело его за живое.

– Почти всемогущий, – выделил он первое слово. – Но не абсолютно.

– И кто ж моё всемогущество обломал? Другой всемогущий? Только злой и нехороший?

– Вы на верном пути, – Иван Иванович понизил голос, – однако давайте потише, иначе вас очень скоро переведут в психиатрическую лечебницу.

Леденцов огляделся. В камере было ещё четверо задержанных, и смотрели они на гостей с брезгливой опасливостью.

– Лучше пораскиньте мозгами, – так же тихо продолжил

Портнов, – почему вам не удалось тогда спасти вашего друга Мартова?

Теперь настала пора морщиться Леденцову.

– Мартов-то тут при чём? Кстати, если уж я такой разэдакий, то почему я не смог его спасти?

– Дело в том, что кроме таких, как вы, мастеров силы...

– Кого?

– Мастер силы, мастер желания, “топор” – выбирайте термин себе по вкусу. Так вот, кроме всемогущих со знаком плюс есть ещё всемогущие со знаком минус.

– Понятно. То есть эти парни, -Леденцов перешёл на театральный шёпот, – хотят зла! “Я часть той силы, что вечно хочет зла”...

– ...“и вечно совершает благо”. Очень удачная цитата. Только нужно её перевернуть. “Я часть той силы, что вечно хочет блага и совершает зло”.

– Один из лучших переводов, – раздалось из-за спин собеседников.

Развернувшись, Иван Иванович и Емельян Павлович обнаружили, что не все обитатели камеры шугаются от них, как от тихопомешанных. Серый тип невнятной наружности под шумок подобрался вплотную и, очевидно, подслушивал. Фигура его невероятным образом совмещала в себе худобу и отёчность, светлые глаза смотрели с меланхолией верблюда сквозь перевязанные ниткой очки. Из рта у незнакомца неприятно пахло.

– Прошу прощения, – серый тип прикоснулся к воображаемой кепке жестом профессионального попрошайки, – я случайно услышал цитату о благе и зле. И я полностью с вами согласен.

– Эй, Тридцать Три! – крикнули от окна попрошайке. – А ну иди сюда, баран!

– Все нормально! – Иван Иванович успокаивающе вскинул руку, и Леденцов обнаружил, что этот человек умеет говорить властно.

У окна тоже это почувствовали, во всяком случае, промолчали.

– Благодарю, – очкарик поклонился.

И этот жест у него вышел странно смешанным: угодничество и достоинство в одном флаконе. Точнее, в одной бутылке из-под пива.

– Так я продолжу. Перевод, который цитировали вы, использовал и Михаил Афанасьевич Булгаков. Иногда используют перевод Пастернака. Как это... – человек прикрыл глаза и почти пропел, – “Часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла”. Правда, хуже?

Емельян Павлович терпеливо сопел, дожидаясь, когда можно будет вернуться к интересующему его разговору. Портнов, наоборот, слушал с очевидным вниманием.

– Любопытно, – сказал он. – Вы в прошлом филолог?

Леденцов вздрогнул. Не хватало ещё встретить здесь одноклассника.

– Лингвист, – ответил серый человек. – Точнее, текстолог. Был младшим научным сотрудником института кибернетики. В Москве.

Последнее обстоятельство он отметил с чувством превосходства.

– И зовут вас?

– Тридцать Три, вы же слышали. Это уменьшительно-ласкательное от “Тридцать Три Несчастья”.

Емельян Павлович наблюдал за беседой с недоумением. Он не представлял, кому придёт в голову обращаться к блеклому бомжу уменьшительно, да ещё и ласкательно. Зато в глазах Портнова горел охотничий азарт.

– Это потому, – продолжал Тридцать Три, – что я приношу несчастье. Так считают.

Иван Иванович чуть не облизнулся.

– Если бы я верил в судьбу, – сказал он Леденцову, – я бы сказал, что это её знак. А где найти вас, милейший, – обратился он к бывшему лингвисту, – ради продолжения беседы?

– Здесь. Или на вокзале.

Вопроса “зачем?” он не задал. Раз спрашивают, значит нужен. Господам виднее.

– Послушайте, – Емельян Павлович еле дождался, пока Тридцать Три отойдёт на шаг, – зачем вам этот бомж? Мы говорили о людях, которые хотят блага, а творят чёрт знает что.

– А это один из них, – ответил Портнов, глядя в спину

спившемся текстологу. – Типичный мастер сглаза. Не слишком сильный, но для начала сойдёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.